

таются даже съ евангельскими цитатами въ рукахъ доказывать возможнѣсть для христіанина како-бы то ни было убийства.

Этимъ общимъ циничнымъ отношеніемъ къ смыслу евангельскихъ заповѣдей, притчъ и исторически-возможныхъ эпизодовъ и обусловился весь религіозный критицизмъ Л. Толстого.

Л. Толстой уяснилъ себѣ ученіе Христа въ его дѣвственномъ видѣ. Онъ понялъ евангеліе такъ, какъ оно написано. Слова «не убий» онъ понялъ въ смыслѣ «не убий» (и никакъ не иначе, какъ понимается теперь), слова «не противься злому» онъ понялъ въ смыслѣ «не противься злому», слова «не судите», «не осуждайте» и т. д. онъ понялъ въ смыслѣ «не судите», «не осуждайте» и т. д.

Уяснивъ это новое для себя пониманіе жизни, Л. Толстой узналъ буквальную, солнечную правду христіанской морали, и каждый темный уголокъ евангельскихъ страницъ теперь свѣтился передъ его прозрѣвшими глазами своимъ теплымъ и живымъ свѣтомъ.

Л. Толстой понялъ, что зло этого міра можетъ быть искоренено лишь добромъ, лишь словомъ и убѣжденіемъ, что противиться злу злому—это не только не значитъ уменьшать это зло, но это значитъ его умножать; что молиться надо не въ храмахъ или подъ хоругвями и знаменами, а въ духѣ, разумѣ и истинѣ; что нельзя никого судить и осуждать, а тѣмъ болѣе кого бы то ни было приговаривать къ казни или убивать.

Отица въ дѣлахъ религіи всякую власть, всякія іерархіческія перегородки, требуя отъ нея дѣйствительный максимумъ и въ то же время объединяя ее върой въ высшій разумъ и высшую любовь, въ это великое, святое тождество, Л. Толстой устремляетъ весь свой духъ и помыселъ на то, чтобы не антихристосовствовать, а углубить Христа, приложить его рафинированныя мысли къ жизни и на первомъ мѣстѣ поставить вопросъ о личномъ самосовершенствованії.

Необходимо создать «личность» въ ея свѣтломъ, первородномъ видѣ, а потомъ уже создавать «человѣчество», какъ сочлененное цѣлое. Залогъ културной общественной жизни заключается не въ соціальныхъ ея формахъ, а прежде всего въ ея духовной и моральной координаціи, направленной къ росту добра.

Религія и служить дѣлу такой духовной и моральной координаціи. Правда и любовь, любовь и правда—вотъ весь алфавитъ нашей жизни, вотъ тѣ начала и концы, которые исповѣдуются и «христіанствомъ» (въ лицѣ Иисуса), и буддизмомъ, и конфуціанствомъ, и браманизмомъ, и стоицизмомъ, и іудаизмомъ, и греческой мудростью...

III.

«Для насъ ничто такъ не безразлично, какъ государство». Тертулліанъ.

«Человѣкъ доброго характера живетъ не въ себѣ одномъ, а во внѣшнемъ мірѣ, который онъ сознаетъ односущнымъ себѣ».

Шопенгауэръ.

Разумъ этой любви и правды, таящійся въ строкахъ евангелія и скрытый напими офиціозными толкователями религіозныхъ доктринъ